

ВНОВЬ И ВНОВЬ ДЕНЬГИ И УБИЙСТВА

«В Ревеле ко мне однажды обратилась молодая девушка из высшего петербургского общества. Она сообщила мне, что они с матерью бежали из Петербурга после того, как большевики убили ее отца и брата, и предложила мне убить Ленина, если я обеспечу ее мать 20 тысячами марок.

План, который она мне представила, был хорош и казался вполне выполнимым. Я, однако, разъяснил ей, что мы в этом совершенно не заинтересованы».

Тот, кто это сказал, знает, о чем он говорит. Это — обер-лейтенант Александр Бауэрмайстер из разведки отделения секретных служб Штаба на Восточном фронте. Он организует саботаж и диверсии, добывает секретную информацию за линией русского фронта. В качестве чрезвычайно сведущего эксперта по России высококультурный, способный к языкам человек из Штаба с декабря 1916 г. «придан» в роли офицера разведки и связи командованию 3-й австро-венгерской армии на Восточном фронте. Он приобретает дополнительный авторитет, когда отважно пробивается за линию фронта 8-й российской армии и там обсуждает с председателем Солдатского совета армии возможности перемирия на фронтовом участке армии. Наконец, он приводит Солдатские советы в Ставку германского командующего генерала фон Литцмана в Черновицах и 14 ноября 1917 г. добивается заключения первого соглашения о перемирии с армейской группой — всего через неделю после Октябрьской революции 7 ноября и задолго до официального соглашения в Брест-Литовске. Уже назавтра перед длинной линией фронта 8-й российской армии разеваются белые флаги.

Уже легендарный в то время германский офицер-разведчик простыми словами объясняет молодой русской, почему немцы не хотят расходовать денег на убийство Ленина, а напротив, хотели бы сохранить жизнь вождю большевиков и будут поддерживать его и дальше: «Я говорю с Вами как немец, Надежда Павловна. Если Ленина убьют, то большевики, возможно, будут свергнуты. Их место тогда наверняка займет правительство, которое опять объявит войну Германии. Итак, Вы понимаете,

что мы не заинтересованы в убийстве Ленина, какое бы отвращение мы ни испытывали к нему и его компании».

Эти открытые слова делают понятным выглядящий столь противоречиво «германо-большевистский заговор». Бауэрмейстер сообщает о волне покушений, поднявшейся в 1918 г., и о следующем плане убийства, предложенном германским секретным службам: «Фанатичный старый эсер вскоре предложил мне, что он убьет наркома Троцкого-Бронштейна. Ему я тоже объяснил, что не дам за такое убийство и пфеннига, поскольку оно никак не может помочь германскому делу, в т. ч. и с военной точки зрения».

Бауэрмейстер, который, в числе прочего, является «штабс-ротмистром», за свои успешные и чрезвычайно мужественные и искусные операции перед, за и между линиями фронта на Востоке в духе германской политики разложения и революционизации награждается германским кайзером «рыцарским крестом фамильного ордена Гогенцоллернов с мечами и короной».

Имя удостоенного высокой награды офицера секретной службы, разумеется, вновь и вновь курсирует по кухне политических слухов. Так, ему приписывают, например, секретную встречу с Лениным, Троцким и Иоффе в крепости Кронштадт под Петроградом, что он категорически отрицает.

Никто не мог ответить бежавшей из Петрограда молодой девушке из хорошей семьи Надежде Павловне более глубоко, правдоподобно и сочувственно, чем германский офицер, который сам родился в Санкт-Петербурге.

Если бы при доверительном разговоре двух петербуржцев по поводу покушения молодая русская могла представить, сколь велики суммы, которые выплачивались в то время, чтобы, напротив, Ленин и большевики «любой ценой» остались у власти, то она бы не поняла большую мировую политику тех дней.

И все это трудно понять в те годы — год 1918-й и ближайшие к нему. Кажется, что от некогда величаво раскинувшейся царской империи остался один кратерный ландшафт, обреченный на политический и экономический упадок. Вокруг городов Петрограда и Москвы (с 12 марта новой резиденции правитель-

ства) распадаются остатки государственного строя, крупные территории страны попросту «отпадают»: всюду самопровозглашаются национальные государства, устанавливаются антибольшевистские региональные правительства, возникают государства казаков и «вольные республики». Организуются и начинают действовать против Москвы Финляндия, Эстония, Курляндия, Латвия, Литва, Польша, Украина, Молдавия, кавказские государства, сибирские территориальные образования. Антибольшевистские армии формируются в Польше, Прибалтике, на Украине, в Кубанской области. Вдоль Транссибирской железной дороги располагаются лагерем солдаты Чешского легиона, бывшие военнопленные. — Перечень противников кажется бесконечным. Крохотное на фоне величия старой России государство большевиков между Москвой и Петроградом окружено врагами. Могут ли вообще удержаться Ленин и большевики?

Этим вопросом задается и первый германский посол в Советской России граф Вильгельм фон Мирбах-Гарф. Он прибыл в Москву во второй половине апреля 1918 г. по обмену с Иоффе, отправившимся послом в Берлин. Германская миссия с 20 дипломатами и таким же числом канцелярских служащих занимает роскошный особняк в Денежном переулке на краю Арбатского квартала. Дом принадлежит немецкому сахарозаводчику, который таким способом хочет защитить его от захвата большевиками.

47-летний профессиональный дипломат граф Мирбах вследствие своей деятельности в качестве юридического советника германского посольства в Санкт-Петербурге в 1908—1911 гг., обладает важным российским опытом. Дипломат старой школы, которого коллеги иногда иронично называют «графом Рококо», не может представить, какой изменчивой будет политика в отношении России в эти летние месяцы 1918 г. Директивы, данные ему в Берлине, однозначно нацеливают его на одобрение и поддержку политики большевиков. Этого он придерживается — и поплатится за это своей жизнью.

Глава миссии, официально функционирующий с 30 апреля, не может удержаться, чтобы не отправить в Берлин еще в мае

первый пессимистичный доклад о катастрофической ситуации в Советской России и о возможном риске, связанном с этим для германской политики в отношении России. Он указывает на возможное сближение большевиков с Антантой. Следует считаться даже с крахом большевистского правительства. Мирбах подсчитывает, что необходимо около 3 миллионов марок в месяц, чтобы удержать у власти правительство Ленина. Документы Министерства иностранных дел дают интересный обзор динамики помощи для сохранения советской власти, которая достигает даже 40 миллионов марок. Первое срочное указание, связанное с предложениями по оказанию помощи, датировано 3 июня 1918 г.:

Москва, 3 июня 1918 5 часов 41 мин. пополудни.
Императорский посланник Министерству иностранных дел.
№ 233.

Ответ на телеграмму № 161.
При сильной конкуренции Антанты требуется около 3 000 000 марок в месяц. В случае, возможно, неизбежного в скором времени изменения нашей политической линии следует считаться с более высокими потребностями.

Мирбах.

Снова в Берлине приходится размышлять, не лучше ли все-таки для реализации германских целей войны заключить пакт с оппозицией. Но, согласно оценке Мирбаха, «пакт с дьяволом» — этих слов в отношении большевиков он, правда, никогда не использовал — в конечном итоге, все же самое надежное, т. к. ни одна из сколько-нибудь заслуживающих упоминания оппозиционных групп не готова признать Брест-Литовский договор.

Мирбах поручает своему заместителю Рицлеру, который долгое время работал в стокгольмском посольстве в качестве эксперта по России, щекотливое задание — минуя ЧК и агентов Антанты, установить чрезвычайно осторожные контакты с оппозицией.

В Берлине по заданию встревоженного Кюльмана формулируются «заметки» — основа для беседы о запрошенных мил-

лионах марок с «денежным графом» Редерном из Имперского казначейства:

Заметки для господина статс-секретаря к совещанию с графом Редерном.

В ходе последних усилий Антанты в России с целью побудить Совет рабочих депутатов к принятию требований Антанты, сводящихся к ориентации России на Антанту, граф Мирбах был вынужден затратить более крупные суммы, чтобы воспрепятствовать этим решениям.

Пока что удалось удержать большевиков от перехода в фарватер Антанты. Но каждый день может принести новые неожиданности. Эсеры полностью отдались Антанте, и она пытается подорвать власть большевиков с помощью чехословацких батальонов. Похоже, большевикам удалось преодолеть натиск чехословацких батальонов. И все же следующие месяцы будут полны внутриполитической борьбы. Возможно, что дело дойдет до свержения большевиков, тем более что отдельные их вожди уже относятся к своей собственной судьбе с известным равнодушием.

В период власти большевиков, несмотря на большие испытания, доставленные внешней политике большевиков нашими собственными политическими требованиями (Эстляндия, Лифляндия, Закавказье, Крым и т. д.), мы должны будем пытаться сделать все возможное, чтобы уберечь большевиков от иной ориентации. Это стоит денег, возможно, больших денег. С другой стороны, уже сейчас считаясь с возможностью переворота, мы не должны обрывать наших связей с остальными политическими партиями. Напротив, мы должны пытаться, на случай свержения большевиков, обеспечить себе, насколько возможно, безопасный переход. Это также будет стоить больших денег.

Граф Мирбах сообщил, что ему теперь потребуются для расходов в этом отношении 3 миллиона марок в месяц. Следует, однако, предположить, что в случае переворота, при определенных условиях, потребуется вдвое больше.

Фонд, который до сих пор был в нашем распоряжении для асигнований в России, исчерпан. Поэтому необходимо, чтобы секретарь казначейства Рейха предоставил в распоряжение новый

фонд. Его, при вышеизложенных условиях, нельзя оценивать циф-
рой ниже 40 миллионов.

Берлин, 5 июня 1918 г.

Кюльман имеет успех, т. к. уже 11 июня граф Редерн предоставляет миллионную сумму для правительства Ленина под грифом «Секретно Z.B. 965 Статс-секретарь Имперского казначейства»:

*Его Превосходительству
господину статс-секретарю Министерства иностранных дел
господину д-ру фон Кюльману*

Лично.

Дорогой Кюльман!

На Ваше письмо от 8 с. м., которым Вы мне присыдаете запись к A.S. 2562 относительно России, я заявляю о своей готовности согласиться с заявкой, представленной без указания оснований, о выделении 40 млн марок на цели, о которых идет речь.

[Подпись:] Граф Редерн.

Заявка на сумму в 40 000 000 марок подается «без указания оснований»: в это время представляется желательным не указывать письменно подлинное назначение и промежуточные инстанции, т. к. способ выделения фонда, предписания об отчетности и т. д. проходят через многие руки и их видят многие глаза.

Рукописный документ от 15 июня подтверждает, что спешный вопрос нашел и самое скорое решение:

Очень срочно

Господину статс-секретарю Имперского казначейства.

Со ссылкой на письмо Вашего Превосходительства от 11 июня 1918 г. Секретно Z.B. 965, покорнейше просим предоставить в распоряжение посольской кассы Министерства иностранных дел 40 миллионов марок на политические цели.

Затем, 26 июня 1918 г., посол Мирбах в Москве получает под № 430 подтвердительное сообщение на свою «просительную» телеграмму от 3 июня:

Запрошенная месячная сумма предоставляется впредь до особых распоряжения. Прошу в особенности противодействовать влиянию Антанты всеми способами. Более подробное указание об отчетности последует.

После сочувственного разрешения, выделения и назначения фонда неизбежно возникает щекотливый трансфертный вопрос. Каким способом осуществить переправку денег? Будет ли все еще функционировать гельфандовская система экспорта, импорта, купли, продажи и контрабанды, хорошо функционировавшая в дореволюционный период? Тем более что державы Антанты вновь и вновь пытаются прямо и косвенно дискредитировать Гельфанда с его подозрительным механизмом отмывания денег при помощи скандинавских инстанций и газетных статей сомнительных русских эмигрантов в Дании и Швеции.

Еще в декабре Ленину пришлось спорить со своими революционными вождями, когда он захотел отправить надежного Ганецкого дипломатическим представителем в Стокгольм. Действительно, никто настолько, как Ганецкий, не знаком с политическим и экономическим положением в Швеции. Но собственные товарищи выступают в этом вопросе против Ленина — из-за денежной линии Гельфанд—Ганецкий, которая все еще на слуху. Ничто не помогает, товарищи Ленина остаются твердыми, и шеф вместо Ганецкого делегирует в Стокгольм Коллонтай в качестве первой дипломатической представительницы советской власти. Это серьезное предупреждение Ленину, и он с возмущением отвергает ходатайство Гельфанда о позволении возвратиться в Россию в качестве «немца». (Помнит ли еще Ленин, что Гельфанд при первой личной встрече в 1905 г. предложил ему эмигрантский приют в своей квартире в Мюнхен-Швабинге?)

Ленин сообщает своему посреднику Радеку, что большевистская партия не допустит прикосновения к «делу революции грязных рук». Эта фраза, написанная незадолго до переговоров в Брест-Литовске, предназначена в первую очередь, конечно, для аргументации зарубежного информационного бюро Ра-

дека. Посвященные удивленно улыбаются: уже теперь, в конце 1917 г., Гельфанд отстраняется от дел. — Ленинским и немцами.

В июне 1918 г. из-за этого, а прежде всего в связи с действительно огромной суммой приходится искать иные пути. Об этом сообщает документ от 29 июня:

В дополнение к тел. № 430.

Отчетность о согласованных суммах должна осуществляться посредством справки об использовании, если подтверждения по отдельным позициям не могут быть представлены.

Хотим еще сообщить Вашему Превосходительству, каким путем должна производиться пересылка денег. Принимая во внимание значительные суммы ... [рекомендую?] установить связь с находящимися там господами с целью ... [неразборчиво] российских рублей.

Теперь, когда Гельфанд постепенно выходит из игры, чрезвычайно заметные для тех времен денежные суммы, которые немцы в духе своей политики предоставляют революционерам в России, направляются другими путями. Исторически своеобразный и, пожалуй, уникальный симбиоз взаимной ненависти и взаимных надежд на извлечение собственных выгод в этой форме подходит к концу.

В то время как два политических партнера и одновременно противника совещаются о возможных путях перемещения денег, оппозиционные круги, желающие нарушить и уничтожить это сомнительное партнерство, куют планы убийств по образцу индивидуального террора царских времен. Но для превращения политических фанатиков в участников покушений также требуются известные денежные суммы. Они служат при этом для финансирования заговорщиков против «германо-большевистского заговора».

28 июня 1918 г. барон Курт фон Грюнау докладывает Его Величеству германскому кайзеру содержание одного меморандума Министерства иностранных дел. Барон, согласно полученным указаниям, использует случай пребывания в Ставке Верховного главнокомандующего, на знаменитом курорте Спа

в оккупированной вражеской Бельгии, чтобы рекомендовать кайзеру выгодную дальнейшую поддержку большевиков, даже с учетом ситуации сильного хаоса в России. Правда, у кайзера имеется и рекомендация противоположного характера, исходящая от Верховного командования сухопутных войск, согласно которой начальник Генерального штаба Людендорф вновь предлагает захватить Петроград военным путем и свергнуть большевиков. Однако кайзер на основе меморандума Министерства иностранных дел принимает далеко ведущее решение — продолжая реализовать его стратегию революционизации 1914 г., по-прежнему неограниченно поддерживать большевистское правительство в Москве в духе германской восточной политики с ее установками целей войны. Германско-большевистский «конкордат» должен продолжать существовать. Поэтому приходится и по-прежнему платить.

Менее двух недель спустя, 6 июля 1918 г., в германское посольство в Москве приходят два сотрудника ЧК. Один, согласно документам, принадлежит к отделению контрразведки, другой является представителем революционного трибунала. Оба предъявляют своего рода верительную грамоту от шефа ЧК Феликса Дзержинского, которая уполномочивает их лично обговорить «дело, представляющее непосредственный интерес для посланника». Оно касается личности лейтенанта Роберта Мирбаха, якобы родственника господина посла. Двух посетителей встречают Ришлер и переводчик лейтенант Мюллер. Когда посланник, медля и с некоторым недоверием, предлагает лучше представить дело в письменной форме, посетители Блюмкин и Андреев молниеносно лезут в свои портфели, вынимают револьверы и открывают огонь по Мирбаху и его заместителю Ришлеру. Пули летят мимо. Ришлер и переводчик инстинктивно бросаются на пол, Мирбах пытается убежать через боковую комнату к лестнице на верхний этаж. Андреев несется вслед и сзади стреляет графу Мирбаху в голову. Блюмкин еще бросает в помещение гранату, и оба через открытое окно высекают на улицу. В условиях всеобщего хаоса участникам покушения удается убежать через палисадник и металлический забор высотой в 2,5 метра, ограждающий территорию посольства, к сто-

ящему наготове для бегства автомобилю с заведенным мотором.

Граф Мирбах, первый германский посол в Советской России, умирает около 15 часов 15 минут. Ленин получает известие около половины четвертого и тотчас оповещает Дзержинского и Свердлова. Первым в посольство с соболезнованием приходит Радек, за ним следуют Чicherин и Дзержинский, Ленин и Свердлов приходят около пяти часов пополудни, и все они, глубоко потрясенные, выражают свое сочувствие.

Столь хладнокровное убийство требует заслуживающего доверия извинения, крупномасштабной компенсации, тщательного расследования, строжайшего наказания и многоного другого. — Однако как это осуществить, имея в виду запутанные политические отношения всех причастных лиц?

Убийцы из кругов оппозиционных, враждебных большевикам эсеров хотели «освободить Россию от Мирбаха», откровенно признает перед всей общественностью член этой партии госпожа Спиридонова. Сразу же после убийства вооруженные левые эсеры выходят на улицы, клеймят большевиков как «агентов германского империализма», захватывают главпочтamt и телеграф и выпускают сумбурные воззвания к рабочим, крестьянам, солдатам и «всему миру». Лишь назавтра латышские гвардейские части Ленина с трудом, применяя силу, восстанавливают порядок в Москве.

Бежавший убийца Андреев умирает год спустя на Украине от тифа, Блюмкин скрывается до 1919 г., затем добровольно сдается властям, глубоко сожалеет о содеянном и курьезным образом направляется в штаб сотрудников Троцкого. После высылки Троцкого из Советского Союза Блюмкина в 1930 г. арестовывают, и аппарат сталинской юстиции казнит его за активную связь с троцкизмом. Таким образом Сталин одновременно отправляет на тот свет свидетеля и убийцу германского «денежного посла».

Покушение на германского посланника графа Мирбаха становится символом и сигналом для всех антибольшевистских группировок внутри и вне страны. Теперь все сильнее текут и деньги «другой стороны», держав Антанты.

За «сигнальным выстрелом» в германского посла уже три недели спустя в Киеве следует другое покушение. 29 июля стреляют в главнокомандующего германских войск, вступивших на Украину, генерала фон Эйхгорна. Генерал умирает от ран.

30 августа эсерка Фанни Каплан в Москве покушается из револьвера на Ленина, поскольку он действует заодно с немцами. Ленин серьезно ранен, однако выздоравливает. В тот же день в Петрограде эсер убивает шефа тамошней ЧК М. С. Урицкого. 2 октября в Баянске из пистолета стреляют в Льва Троцкого, но нарком по военным делам лишь легко ранен в плечо.

Никто из ведущих деятелей большевиков, которые — что постоянно приводится в качестве основания для покушений — действуют заодно с германскими врагами, не может быть больше уверен в своей жизни. То, что называется политикой, должно осуществляться дальше всеми доступными средствами, так сказать, между минами убийств и покушений. Ведь обстановка для всех властных группировок складывается чрезвычайно напряженно, некоторые уже не могут больше реалистично оценить свое подлинное положение между всевозможными фронтами. Те, кто сегодня еще выступают как надменные победители, не в состоянии уяснить, что уже через 15 недель вынуждены будут признать свою кайзеровскую империю окончательно потерянной. Вопрос «кто кого?» встает перед всеми участниками политического дела каждодневно — зачастую прямо-таки в гротескной форме.

В этой все более непроглядной ситуации, когда, с одной стороны, усиливается политическая поляризация, накапливается взаимная конфронтация при одновременной компанейской готовности к компромиссам и, с другой стороны, бушует необузданная борьба за власть и собственное политическое существование, обращает на себя внимание текст телеграммы, которую Ленин 14 августа посыпает из Москвы в Швейцарию. Вождь революции, скованный Брест-Литовском и вынужденный мириться с невыгодным «насильственным мирным договором», признает, что постепенно оказывается во все более благоприятной ситуации, когда немцы вынуждены поддерживать большевиков в своих собственных интересах при любых обстоятельствах.

С политической точки зрения, ленинский «тон» в этой телеграмме фриволен и дерзок. Он сначала благодарит своего посла в Швейцарии Берзина за его усердную пропагандистскую работу за рубежом, которая способствует укреплению политического реноме только что возникшей советской власти. Но затем Ленин начинает говорить о необходимых деньгах: «Благодарю от всего сердца за публикации на трех (или четырех) языках и за распространение. Берлинцы пришлют еще денег: если негодяи затянут дело, пожалуйтесь официально мне. Ваш Ленин».

Ленин точно знает, что немцы вынуждены «всеми средствами» сохранять атакованное со всех сторон Советское государство, чтобы все еще быть в состоянии реализовать свою вос точную политику. Пусть даже с помощью меньшего зла, большевиков, с которыми немцам приходится мириться.

В качестве большего зла адмирал фон Хинтце, вновь назначенный преемник Кюльмана в Министерстве иностранных дел, называет «эсеров, кадетов, октябристов, монархистов, казаков, жандармов, чиновников и прихлебателей царя». Адмирал и статс-секретарь Министерства иностранных дел категорически выступает против германских связей с этими оппозиционными группировками, поскольку те не хотят признавать Брест-Литовский договор. Только большевики по-прежнему ведут свою политику на основе договора и еще «подготовленных вслед» этим летом дополнительных договоров. Адмирал действительно не любит большевиков, но поразительно недипломатично формулирует подлинные «моральные отношения» противников, связанных друг с другом временным «параллельным расположением интересов»: «Политично использовать большевиков до тех пор, пока они еще что-то могут дать».

Это честные, хорошо понятные слова. Адмирал фон Хинтце по-прежнему неизменно держит курс на сотрудничество с Москвой и объясняет мотивы очень впечатляющим образом:

«Пока что мы не имеем оснований желать скорого конца большевиков или организовать его. Большевики — крайне плохие и несимпатичные люди; это не помешало нам навязать им Брест-Литовский мир и постепенно отнимать у них землю и

людей еще сверх того. Мы выбили из них, что могли, наше стремление к победе требует, чтобы мы это продолжали, пока они еще находятся у руля.

Работаем ли мы с ними охотно или неохотно, не имеет значения, пока это полезно. Привносить в политику чувства — это, как доказывает история, дорогостоящая роскошь. В нашей ситуации было бы безответственно позволять себе такую роскошь. Тот, кто работает с большевиками как правителями де-факто и при этом вздыхает о плохом обществе, не приносит вреда; но когда отвергают выгоду от работы с большевиками из неприязни к дурно пахнущим связям с большевиками, то это становится опасным. Политика до сегодняшнего дня является утилитарной и останется таковой надолго. [...] Чего же мы хотим на Востоке? Военного паралича России. Его большевики обеспечивают лучше и основательней, чем любая другая российская партия, а нам не приходится затрачивать на это ни единого человека и ни одной марки. Мы не можем требовать, чтобы они или другие русские любили нас за то, что мы выжимаем и сдавливаем их страну. Поэтому будем довольствоваться бессилием России».

Грубый тон в точности соответствует ситуации и показывает, как в действительности складываются властные отношения. Правда, в одной формулировке адмирал очень сильно заблуждается — что немцам не приходится затрачивать ни «одной марки». Это верно лишь в том смысле, что речь идет не об *одной* марке, а о *многих миллионах* марок, которые приходится «затрачивать». Хинтце резюмирует эту тему: «Неужели мы должны отказаться от плодов четырехлетних боев и триумфов только для того, чтобы избавиться, наконец, от дурного привкуса, что мы использовали большевиков? Ведь мы делаем вот что: мы не работаем с ними, а эксплуатируем их. Это политично, и это политика».

Эти слова адмирала с командного мостика государственного корабля «Германия» вполне ясны. Так что памятная записка адмирала становится ключевым документом, который проясняет, какие давно известные понятия скрываются за всеми красивыми дипломатическими словами: германская политика во-

енных целей, политика в отношении периферийных государств, «стратегия апельсиновой корки», политика инсургенизации, революционизация России, Брест-Литовская мирная политика, отдельный мир, сепаратный мир. Слова адмирала Хинтце делают понятным, что «кайзеровские миллионы» должны продолжать течь еще долго и после успешной Октябрьской революции, чтобы революция оставалась успешной — в смысле «германской восточной политики».

Открытые слова этой памятной записки германского адмирала и почти министра иностранных дел заставляют вспомнить ясные слова Ленина: «Высказать, что есть».

Но длинный язык Хинтце не нравится германским политикам — ни намазанным германо-национальным гуталином, ни более поздним, сталинистского окраса. Адмирал редко цитируется обеими сторонами, а если да, то лишь выборочно и в изуродованном виде. В этом случае тоже господствует временное ограниченное «совпадение исторических интересов» между правыми и левыми: лучше всего просто замалчивать все неудобные истины.

В качестве иллюстрации того, что придает столь забавную политическую окраску крепкой в выражениях честности Хинтце, упомянем лишь еще раз о том, что униженный в Брест-Литовске Иоффе становится по рекомендации Ленина первым большевистским послом в медленно распадающейся кайзеровской Германии и превращает старое почтенное императорское посольство на берлинской Унтер ден Линден, № 7 в единственную в своем роде большевистскую пропагандистскую крепость, куда он созывает к себе германских денежных инфантов, а также немецких революционеров, которые хотят вскоре свергнуть кайзера. Сейчас немецкие революционеры нуждаются в деньгах для пропаганды и акций. Теперь германские деньги снова текут из Москвы «назад», в известной мере для «революционизации кайзеровской Германской империи».

Под крышей здания посольства, на котором в центре кайзеровского Германского рейха по распоряжению Иоффе развивается красный флаг с серпом и молотом, германские промышленные магнаты и курьеры будущей Коммунистической

партии Германии буквально вырывают друг у друга ручку двери. Одни говорят о торговых делах на Востоке, другие — о мировой революции на Западе. Иоффе прибывает из Москвы в Берлин с 14 миллионами марок и помещает деньги в германский Банковский дом Мендельсонов. Иоффе гордо сообщает в Москву о списке посетителей своего посольства: «Директор Дойче Банк навещает нас часто».

16 мая — Иоффе всего две недели в Берлине — крупновский директор Брун созывает деятелей германской тяжелой промышленности на встречу в Дюссельдорф, чтобы обсудить «проникновение английского и американского капиталов в Россию» и то, как этому можно противодействовать со стороны германского капитала. Такие люди с властью и именами, как Август Тиссен и Гugo Стиннес, излагают свои представления о том, как они хотят обеспечить свое влияние в России. В начале июня принимается решение о создании синдиката, который хочет приобрести влияние на российские транспортные предприятия. Идея чрезвычайно благоприятствует просьбы Москвы к Германии об оказании помощи при восстановлении российских железных дорог. И Иоффе обрадованно телеграфирует о натиске германских банковских директоров на Москву в форме бесед о сотрудничестве и кооперации капиталов: «Мендельсон долго ожидал беседы, а Соломонсон трижды появлялся здесь под самыми разными предлогами».

Посетители буквально осаждают Советы деньгами, долгосрочными выгодными кредитами и рассчитывают на высокие прибыли.

На период пребывания Иоффе в роли посла приходится разработка столь важных для Германии дополнительных договоров к Брест-Литовскому миру, начавшаяся еще в бытность в Берлине Кюльмана. С германской стороны переговоры ведут руководитель правового отделения в Министерстве иностранных дел Криге, представитель Министерства иностранных дел в Прибалтике Надольный, торговец-импортер лейтенант Шлубах из Верховного командования сухопутных войск (OHL) и коммерции советник Литвин из Германского экспортного общества, урожденный русский. Через Литвина и Штреземана

осуществляется информационная связь с полковником Баузером, посредником между военными из ОХЛ, Министерством иностранных дел и Рейхстагом. С российской стороны участвуют Иоффе и специальный посланник Красин. 28 августа, за день до покушения на Ленина в Москве и убийства шефа петроградской ЧК Урицкого, подписываются экономико-политические договоры между Советской Россией и кайзеровской Германской империей.

Наряду с этой важной торгово-политической деятельностью Иоффе, российский посол, энергично и терпеливо занимается революционной пропагандистской работой для свержения кайзеровской династии в Германии. Через год после своей высылки из Германии в качестве дипломата Иоффе с удовлетворением пишет:

«Советское посольство направляло и финансировало более 10 левосоциалистических газет... Естественно, полномочное представительство не могло ограничиться чисто «легальными возможностями» даже в своей информационной деятельности. Информационный материал охватывал много больше того, что печаталось и обнародовалось. Очень часто требовалось использовать парламентскую трибуну; материал передавался депутатам Рейхстага из фракции независимых социал-демократов, которые привлекали его для своих речей; таким способом он тогда все равно попадал в газету. Советское посольство, которое имело превосходные связи во всех слоях германского общества и агенты которого сидели в самых разных германских министерствах, было значительно лучше немецких товарищей информировано даже о том, что происходило в германской политике.

Конечно, российское посольство не могло ограничиваться в своей революционной деятельности информационной работой. В Германии имелись революционные группы, которые в течение всей войны вели в подполье революционную работу. Российские революционеры, имевшие в этой области больше опыта и больше возможностей, должны были действовать совместно с этими группами, что они и делали. Вся Германия была охвачена сетью нелегальных революционных организаций. Гер-

манское правительство однажды обвинило русских в контрабандной доставке в Германию бунтарских изданий и с усердием, достойным более высокой цели, обыскивало за этим курьерский багаж, но ему никогда не приходило в голову, что то, что доставляло из России в Германию российское посольство, представляло лишь каплю в море по сравнению с тем, что с помощью российского посольства печаталось в самой Германии».

«Соперник» Иоффе в Брест-Литовске и на берлинских дополнительных переговорах Рудольф Надольный описывает деятельность Иоффе, которая в конечном итоге с неизбежностью приводит к его высылке из Германии. Надольный, в соответствии со своей функцией, дает оценку с точки зрения эксперта Министерства иностранных дел и Генерального штаба. Несколько опечаленный, он вначале признает: «Тем временем у меня были свои заботы с российским посольством. Генеральный штаб, [отделение] контрразведка, долго требовал высылки Иоффе, т. к. тот занимался только большевистской пропагандой, но он не мог представить доказательств этого. 3 ноября состоялось заседание в прусском Министерстве внутренних дел, где вновь прозвучало очень энергичное требование о высылке российского посла. Но привести доказательства его пропагандистской деятельности не удалось. Тут я рассказал господам, что недавно генеральный консул Брейтер в Петербурге потребовал винтовок для охраны генерального консульства. После этого ему были посланы 30 винтовок, упакованных в ящики. Когда они прибыли в Петербург на Варшавский вокзал и стали разгружаться, один ящик лопнул, и винтовки были обнаружены. Это, естественно, привело к изрядному демаршу Советского правительства. «У нас, конечно, никогда не лопнет ящик», — на этом я завершил свой рассказ».

Тем самым хитрый эксперт по России дает компетентным людям сигнал к маленькой «коллизии с ящиком», которую пресса мгновенно раздувает в настоящий шпионский спектакль, будто все внезапно ошеломлены подлинной деятельностью посольства Советской России в Германии, и тогда раздаются возмущенные протесты.

Напротив, сам Надольный сообщает деловым и несколько чрезмерно прохладным тоном, что его пример с ящиками был правильно понят компетентными в этой сфере инстанциями:

«В тот же вечер прибыл русский курьер, и когда различные ящики, которые он привез с собой, доставлялись лифтом с перрона, один ящик сломался и — смотри-ка — он был полон пропагандистскими коммунистическими изданиями. Ящик конфисковали, курьера посадили, а Иоффе позвонил мне и пожаловался. Ночью он звонил еще несколько раз, но я не мог ему помочь. На следующее утро я нашел пропагандистские издания на моем письменном столе на службе. Теперь судьба Иоффе была решена. Статс-секретарь Зольф сообщил ему, что он получит свои паспорта и должен в течение 8 дней покинуть Рейх».

Инсценированная проблема с ящиками, после краткой, но все же чрезвычайно интенсивной деятельности посла, кладет конец его очень плодотворному в обоих направлениях германо-советскому сотрудничеству. Это одновременно означает и конец всех официальных дипломатических отношений между двумя государствами, одно из которых, династическое, безжизненно погрузится в историю, а другое в течение долгого времени будет участвовать в определении ее хода.

Однако сначала в российско-польском ноябрьском тумане исчезает посольство Иоффе. Надольный, напротив, регистрирует конец сотрудничества, большей частью конспиративного, которое злые языки позднее захотят оклеветать как компа-нейщину и заговор, с протокольной трезвостью:

«Через три дня появился майор Хеннинг из Военного министерства и потребовал немедленно выслать российское посольство, т. к. угрожала революция. Я тут же зашел в кабинет, где собирались министры, и доложил о проблеме. На это Щейдеман сказал, что если дело с революцией обстоит серьезно, то персонал посольства следует удалить. Вслед за этим послу было вручено соответствующее решение, и посольство окружила полиция. Туда впускали всех, но оттуда не выпускали никого. Затем, около 4 часов ночи, началась отправка. Я направил внешнеполитического секретаря Рихарда Мейера на Унтер ден Линден, а атташе графа Заурма придал послу в качестве сопровож-

дающего. Когда сотрудников посольства выпустили, их оказалось 186 человек, а единственным немцем среди них был депутат, адвокат д-р Оскар Кон. Посольство село на специальный поезд и доехало до станции Борисов между Вильной и Минском, где поезд остановился и генерал фон Фалькенгайн, командующий на Северо-Востоке, приказал окружить его двумя ротами солдат. Они должны были оставаться там до тех пор, пока российская сторона не освободит наши представительства в Москве и Петербурге и они не будут обменены на посольство.

Обмен представительств состоялся через 3 недели, до тех пор российскому посольству пришлось сидеть в Борисове. Он произошел на открытом участке, когда с каждой стороны подъехал поезд и их пассажиры затем пересели.

Тем временем в Германии произошла революция».

Германская Ноябрьская революция 1918 г. вынуждает кайзера к отречению, как российская Февральская революция 1917 г. вынудила к этому шагу царя. Кайзер бежит в Голландию. Царь уже расстрелян.

Германо-советские тайные нечистые дела так и не завершаются, по крайней мере в XX в., даже тогда, когда их снова приходится называть германо-российскими.

НА ТРИНАДЦАТИ САНЯХ В АМЕРИКУ

Назад к первоначальной истории: Эдгару Сиссону с группой американских дипломатов удалось перебраться через линию фронта «красных» и «белых», воевавших друг с другом в финской гражданской войне. Бегство на санях продолжается. 13 лохматых пони все еще тянут свои полозья по белому, покрытому льдом и снегом побережному ландшафту Юго-Западной Финляндии. Караван извивается от косы к косе, от острова к острову, тянется по заснеженной суше, а затем опять далеко в море по замерзшей воде Ботнического залива. Едут все время на север, по кратчайшему возможному пути вдоль берега. Цель — финско-шведская пограничная станция Торнио—Хапаранда далеко на севере, на расстоянии всего 90 миль от Северного полярного круга.